

Владимир Рохмистров

Тяжба о небытии: реплика

VLADIMIR ROXHIMISTROV
LITIGATION OVER NON-BEING: A REPLICA

ABSTRACT. A number of articles in the first volume of *Platonic Investigations* (A. Garginsky, S. Katrechko, I. Protopopova, V. Semenov) deal with the issue of terminology in Plato's texts. This review focuses primarily on the concepts of Being and Non-Being. The reviewer examines the usage of these concepts by the above authors in the context of Hegelianism.

KEYWORDS: Parmenides, Plato, Hegel, Being, Non-Being, Nothing, Beings, Non-Beings.

В ноябре 2014 года вышел в свет первый том «Платоновских исследований», ознаменовавший начало нового этапа в изучении наследия Платона в России. Не могу не поделиться некоторыми впечатлениями от чтения научных статей, вошедших в издание.

Во втором разделе тома, названном «Рецепция платонизма», помещена статья Владимира Семенова «Логика платоновского «Парменида» и логика Гегеля», где автор проводит великолепный анализ того, как из платоновского «Парменида» естественно вырастает основа гегелевской логики. Эта работа чрезвычайно важна, поскольку спор об отношении к платоновскому «Пармениду» до сих пор все еще не считается закрытым. Как пишет сам Семенов в начале статьи, «оценки его значимости колеблются от «высочайшего достижения человеческой мысли» до «вольных

© В.Г. Рохмистров (Санкт-Петербург). parmenidiki@mail.ru.

упражнений по риторике»¹. Я полностью разделяю точку зрения Семенова и готов в свою очередь аргументированно отстаивать все его основные положения. Однако в одном из абзацев Семенов пишет буквально следующее: «Платон говорил, например, что небытие существует (Софист 258e)». Поддерживая это свое суждение следующим утверждением: «в диалоге «Софист», в своём, как представляется, первом варианте логики, Платон субъектом этой логики определяет бытие»². Это суждение, в свою очередь, опирается на русский текст «Софиста» в переводе С.А. Ананьина, и цитаты приведены вполне корректно. В диалоге Платона «Софист» чужеземец, гость из Элеи, спрашивает у Теэтета (244ab):

Так как мы теперь в затруднении, то скажите нам четко, что вы желаете обозначить, когда произносите *бытие*. Ясно ведь, что вы давно это знаете, мы же думали, что знаем, а теперь вот затрудняемся³.

Тем не менее сегодня у нас даже тем, кто не читает по-гречески, известно⁴, что в оригинальном тексте Платона речь в «Софисте» идет не о «бытии», а о «сущем». И Сергей Катречко в статье «Платоновская “тяжба о бытии”», помещенной в первом разделе тома, который называется «Платон и проблемы платоноведения», также цитируя фрагменты из диалога «Софист» по переводу Ананьина, все же определяет основной вопрос диалога как «что есть сущее?» и далее говорит о «бытии не-сущего»⁵. Однако Владимир Семенов (да к моему удивлению и не только он один) полагает такую подмену понятий вполне допустимой. Примеров этому можно привести множество, и каждый может убедиться в

¹ Семенов 2014: 185.

² Семенов 2014: 189–190.

³ Платон: 310–311.

⁴ См. например, эпиграф к трактату М. Хайдеггера «Бытие и время» в переводе В.В. Бибихина, где это место звучит следующим образом: «Ибо очевидно, что вам-то давно знакомо то, что вы собственно имеете в виду, употребляя выражение “сущее”...» (Хайдеггер 1997: 1).

⁵ Катречко 2014: 109.

этом неоднократно, читая научные философские тексты. Приведу здесь, дабы не быть голословным, лишь один пример из того же первого тома «Платоновских исследований», где в тонкой и строгой статье Алексея Гагинского «Бытие и Единое у Платона», помещенной в первом разделе, брошена мимоходом такая фраза: «Платон обогатил лексикон онтологии, введя в философский оборот столь важное понятие, как οὐσία. Впоследствии значение этого термина стало сужаться, выражая суть предмета, т.е. *сущность* в узком смысле слова, однако у Платона он понимается еще предельно широко, выступая также в значении *бытия, или сущего*»⁶. Исходя из этого суждения можно заключить, что, согласно пониманию Алексея Гагинского, у Платона не различаются не только такие понятия как «бытие» и «сущее», но оба они даже еще и не отличаются от понятия «сущность».

Действительно, как пишет в предыдущей статье этого раздела, посвященной как раз переводу платоновского термина οὐσία, Ирина Протопопова: «Исследователям Платона хорошо известно, что у него не было строго разработанной терминологии»⁷. Однако это не дает нам права утверждать, что сам Платон не различал все эти весьма важные для философии понятия. Заметим, кстати, что Алексей Гагинский в этом отношении более корректен, чем Владимир Семенов, прямо заявляющий, что «Платон говорил»; ведь выражение «у Платона не различаются» не равно утверждению «Платон не различает». Более того, как замечает Ирина Протопопова, «его (Платона — В.Р.) антитерминологичность сознательна»⁸. Сам же Платон прекрасно все различает, мы можем найти у него даже различие сущности и существования; на это вполне справедливо указывает Протопопова, приводя в пример место из «Федона» (92d8–9)⁹ — сущностью души является существование — это сильнейшее доказательство ее бессмертия. Но

⁶ Гагинский 2014: 92.

⁷ Протопопова 2014: 79.

⁸ Ibid.

⁹ Протопопова 2014: 81.

если Платон сам все прекрасно различает, то приписывание ему утверждения «небытие существует» равноценно обвинению великого античного мудреца в «отцеубийстве».

Следует вспомнить, что Платон сам в том же диалоге «Софист» напоминает запрет *отца философов* (237a8):

Этого нет никогда и нигде, чтоб не-сущее было,
Ты от такого пути испытаний сдержи свою мысль¹⁰.

И элейский гость у Платона не является «отцеубийцей». Об этом свидетельствует и следующее место из диалога «Софист» (241d):

Чужеземец. А больше того прошу тебя о следующем.
Теэтет. О чем?
Чужеземец. Чтобы ты не думал, что я становлюсь в некотором роде отцеубийцей¹¹.

Из этого предостережения ясно следует, что Теэтету надо внимательнее отнестись к предлагаемому гостем из Элеи рассуждению и не делать поспешных поверхностных выводов. Речь у Парменида и у Платона идет все же не о существовании *небытия*, а о существовании или несуществовании *сущего*, т.е. о *сущем* и о *не-сущем*. Вопрос в «Софисте» заключается в следующем — каким образом все-таки несуществующее может существовать? Ведь ложь возможна. А ложь — это, по определению, нечто несуществующее, выдаваемое за существующее. И если теперь мы тщательно проследим за терминологическим соответствием русского текста греческому оригиналу диалога «Софист», мы увидим, что на самом деле в диалоге на *бытие* никто и не покушается, а выясняется всего лишь то, что и заявлено изначально — что такое *сущее* и как возможно существование *не-сущего*. Из платоновского текста отчетливо видно, что он в диалоге как раз и играет на различии значений *бытия* и *сущего*, и они здесь совсем не одно и то же.

¹⁰ Платон: 301.

¹¹ Платон: 307–308.

Возьмем наиболее важный в этом отношении фрагмент диалога. Не смотрим более на русский перевод С.А. Ананьина, а сразу читаем греческий оригинал, где гость из Элеи говорит буквально следующее (258e6–259b1, перевод мой — В.Р):

Итак, да никто не скажет о нас, будто мы отважились говорить, что в противоположность существующему обнаружено несуществующее, мы давно предлагаем оставить разговор о чем-то противоположном [бытию]: [по-нашему,] или есть, или нет, вырази-мо в слове или совершенно невыразимо. Что же касается того, о чем теперь говорили — бытие не сущего (εἶναι τὸ μὴ ὄν), или пусть докажет кто-нибудь, что мы говорим вздор, или, до тех пор, пока не может, говорит то же, что и мы говорим; [есть вещи,] кото-рые, смешиваясь с другими, становятся пронизанными и сущим и иным; иное же, став причастным сущему и через это существующее, не одно и то же с тем, чему причастно, но — иное; существующее же иное сущего есть, яснее ясного, по необходимости бытие не сущего (ἔστιν... εἶναι τὸ μὴ ὄν).

И хотя здесь еще нет субстантивации неопределенной формы глагола «быть», которая появляется лишь в «Пармениде»¹², это εἶναι τὸ μὴ ὄν сегодня по-русски корректно только и можно пере-вести как «бытие не сущего».

Таким образом, гость из Элеи у Платона действительно не является отцеубийцей. Замечу мимоходом, что понятие «отцеубий-ство» для греков являлось гораздо более страшным обвинением, чем это, возможно, представляется нам сегодня.

В гневе убить я отца изошренною медью решился;
Боги мой гнев укротили, представивши сердцу, какая
Будет в народе молва и какой мне позор в человеках,
Ежели отцеубийцей меня прозовут аргивяне!

(Илиада IX 458–461, пер. Н.И. Гнедича)

¹² См. «Парменид» 142b5. Это, кстати говоря, может являться аргументом в пользу того, что диалог «Парменид» написан позднее диалогов «Софист» и «Теэтет».

О чрезвычайной важности для греков этого понятия свидетельствует также и то, что в греческом языке существовало несколько слов для его обозначения. У Гомера употреблено слово *πατροφόνος*, а не *πατροκτόνος*, как у Платона в «Федоне» (114a5). Но еще более любопытно то, что у Платона в диалоге «Софист» употреблено ни то, ни другое, а третье слово — *πατραλοίας*, от глагола *ἀλόω*, означающего «молотить», и только в переносном значении — «бить, колотить», но не «убивать», как *πατροκτονία*. Здесь Платон имеет в виду «побить отца», в смысле превзойти его, как это подразумевается в русском выражении «побить рекорд». Даже в этом тщательнейшем подборе слова отчетливо сквозит то, что Платон никак не желает иметь ничего общего с отцеубийцей. Он в полном согласии с *отцом философов*, созерцая *отсутствующее как постоянно присутствующее*, усмотрел еще одну форму бытия — *бытие не сущего*. Это и есть ложь — существование несуществующего. Это и есть сфера деятельности софиста. И если Мамардашвили в четвертой лекции по античной философии отметил, что у Парменида и Гераклита шел разговор о *бытии сущего*¹³, то разговор Платона о *бытии не сущего* является вполне естественным его продолжением. И если мы определяем *бытие не сущего* как *ложь*, то в таком случае получается, что *бытие сущего* — это *истинное знание*. И вопрос, поставленный Платоном в «Софисте», начинает звучать по-новому: *Так скажите же нам, наконец, что такое сущее?*

И в «Теэтете» Платон предложил на этот вопрос ответ Протагора. На основании проведенного анализа мы можем теперь вполне понять его скрытый смысл: *человек является мерой того, что есть истинное знание (сущее), а что — ложное (не сущее)*. За этим скрывается потрясающая вещь — если человек сам искренне верит в то, что он говорит, то его слова в этот момент *не являются ложью*. Тем более, что истинное знание порой так скоротечно — я говорю истину: «сейчас и здесь ночь», но когда вы будете читать это, вы

¹³ Мамардашвили 2014: 75.

вправе будете опровергнуть эту истину и сказать: «нет, сейчас и здесь день».

Казалось бы, я и так уже чрезмерно распространился в своем стремлении продемонстрировать неадекватность в данном случае подмены термина «сущее» термином «бытие». Однако для сторонников неразличения у Платона этих терминов, а также для обвинителей великого афинского мудреца в отцеубийстве этих аргументов оказывается недостаточно. Они могут указать мне на то, что Гегель отчетливо вводит в своей логике именно понятие *небытия*, заимствуя его прямо из платоновской диалектики и делая таким образом уже несущественным это различие у самого Платона. Соответственно этому контраргументу, вводя в платоновский диалог различие *бытия* и *сущего*, мы обвиняем Гегеля в непонимании Платона и ставим под вопрос всю «Науку логики» великого немецкого диалектика.

Обратимся к произведениям немецкого философа. В «Лекциях по истории философии», ссылаясь на это место из «Софиста», Гегель пишет:

Платон, таким образом, определенно сознает, что он пошел дальше Парменида, который говорит:

Никогда ты не узнаешь, что есть где-нибудь небытие,
Но держи вдали от такой дороги испытующую душу.

Платон, стало быть, говорит: сущее причастно в одно и то же время как бытию, так и небытию; но причастное также и отлично от бытия и небытия как таковых (выделено мной — В.Р)¹⁴.

Здесь мы видим утверждение, практически, прямо обратное только что продемонстрированному нами у Платона. Однако любопытно отметить, что в оригинальном тексте Гегеля такого дополнения после строк Парменида нет. Соответственно, выделенное мной пояснение принадлежит целиком переводчику. Иными словами, здесь мы видим в большей степени понимание это-

¹⁴ Гегель 1994: 165; 3 отдел 1-го периода, А.1.в.

го места переводчиком Гегеля, нежели самим немецким философом.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что Гегель все же действительно говорит о небытии — *Nichtsein*. В его «Науке логики» мы можем встретить такие заявления:

Бытие и небытие суть одно и то же... В указанном положении говорится о чистых абстракциях бытия и ничто; применение же делает из них определенное бытие и определенное ничто¹⁵.

Здесь даже без обращения к оригинальному немецкому тексту видно, что, согласно Гегелю, *небытие* есть *ничто*, и оно так же точно вместе с чистым бытием является всего лишь абстрактной пустой формой всего существующего. Однако вот на что надо здесь обязательно обратить внимание. Термин «небытие» употребляет Гегель в пояснениях и примечаниях, в основу же построения он закладывает как противоположный термин «Бытию» во все не «небытие», а «Ничто». (Неужели он делает это случайно?) Это, в свою очередь, совершенно не противоречит не только Платону с его различием *бытия сущего и бытия не-сущего*, но и Пармениду, утверждавшему, что *есть только бытие, а небытия нет*.

Вот каким образом можно вполне корректно интерпретировать Парменида:

Одно и то же — бытие и мышление — Ничто;

*Одно и то же — мышление и мысль,
ибо без мысли ты не найдешь мышления — Бытие;*

Потому что *мышление без мысли,*
как и *бытие без сущего*, — Ничто.

Ничто есть наиболее универсальная форма
всего существующего,

¹⁵ Гегель 1970: 144.

Ибо вот здесь вот его ничуть не больше, чем вон там, и т.д.

Конечно же, у Парменида исторического везде речь идет только о Сущем. Но вся трудность заключается именно в том, что *сущее* у него везде обозначается как бы с заглавной буквы — везде τὸ ἔόν и нигде нет просто τὸ ὄν. Следовательно, говоря о единственном действительно существующем, отсутствующем как постоянно присутствующем, Парменид, конечно же, говорит о бытии, или, как поступил в этом случае более тонко различающий философский контекст Аристотель — о *сущем самом по себе*. Стагирит пишет: «сущее само по себе не возникает и не уничтожается...» (Мтф. Θ 10; 1051b29).

Итак, имея в виду *бытие*, Аристотель вынужден пояснять, что разговор идет не просто о сущем, а о *сущем самом по себе*, Платон — о *совершенно сущем*, являющемся *сущностью сущих* (ὄντως οὐσίᾳ)¹⁶. И если мы скажем, что *бытие есть сущность сущих*, мы ведь тем самым не заявим, что *бытие, сущее и сущность* — одно и то же, мы просто поясним, что *бытие* является *совершенно сущим, главной сущностью всех существующих вещей*. Ведь «у сущего множество определений» (Τὸ ὄν λέγεται πολλαχῶς — Мтф. Ζ 1; 1028a10; пер. мой — В.Р.). А *бытие* — одно. Соответственно, все это связано не с неразличением Платоном тех или иных смыслов, а, прежде всего, с трудностью передачи средствами языка материала мышления. И нас не должно все это вводить в заблуждение, так же как и то, что Гегель в своих текстах достаточно часто употребляет термин «небытие». Главное все же заключается в том, что при построении *науки логики* великий немецкий философ вполне отчетливо и сознательно противопоставляет «бытию» не «небытие», а НИЧТО. Также и нам всем следует быть максимально аккуратными при построении своих научных текстов, если мы и в самом деле хотим, чтобы философия стала по-настоящему строгой наукой. Во всяком случае, сегодня уже нет никакого достоинства в том, чтобы открыто демонстрировать свое незнание

¹⁶ Протопопова 2014: 85–86.

оригинальных текстов изучаемых авторов, а уж тем более — быть небрежным в подборе слов.

Да, в философском контексте можно вести речь о *небытии*, но всегда только как о несуществующем. И поскольку говорить о «бытии небытия» не стал даже Платон, возникает вопрос: различие на «бытие сущего и не-бытие сущего» является существенно отличным от различения на «бытие сущего и бытие не-сущего», или с точки зрения передачи смысла в них вообще нет различия?

На мой взгляд, при ответе на этот вопрос никаких разночтений быть не может. Потому что:

1. От формулировки «небытие сущего» следует отказаться хотя бы ради того, чтобы не прослыть отцеубийцей даже в том смысле, в котором это слово употребил Платон в диалоге «Софист». Ведь «побить рекорд», как все мы прекрасно понимаем, означает — отменить его, сделать недействительным.

2. Платоновское различие на «бытие сущего» и «бытие не-сущего» более корректно не только из уважения к Пармениду. Согласно тому же Гегелю, софисты «могут именно сказать, что все, что отдельное лицо, согласно своей вере, делает своей целью, преследуемым им интересом, утвердительно и правильно»¹⁷. Иными словами, софисты своим утверждением смешивают правду и ложь и делают ложное (несуществующее) существующим. А это не только полностью соответствует приведенному мной выше возможному ответу платоновского диалога «Софист», а именно — правоте протагоровского тезиса, но еще и позволяет уточнить, что ложь как *бытие не-сущего* как раз и есть каким-то образом именно *бытие*, то есть тот самый случай, когда, как пишет Ирина Протопопова, существует «*кажимость*, т.е. то, что не существует, а только “как бы существует”»¹⁸.

3. Если мы примем определение лжи как *небытия сущего*, мы лишимся всяких оснований для вообще какой бы то ни было воз-

¹⁷ Гегель 1994: 167.

¹⁸ Протопопова 2014: 82.

возможности воспринимать ложь — ее просто не существовало бы — *небытие невозможно ни помыслить, ни высказать*. Соответственно, следует все же говорить, что ложь есть **бытие** не-сущего. Иначе мы, позволив себе говорить о «бытии небытия», скоро докажемся до «небытия бытия».

Итак, утверждение «Платон говорил, что небытие существует», в связи со всем мной выше сказанным, на мой взгляд, совершенно недопустимо в научном тексте. Здесь важно отметить, что изъятие этого утверждения из контекста рассуждений Владимира Семенова совершенно не отменяет верности его построения. Потому что, как отмечает в своей статье, касающейся тех же вопросов, Сергей Катречко, «именно Бытие (Сущее), или вопрос “что есть Сущее?”, составляет предмет непрестанной заботы философа»¹⁹. Здесь «сущее» с большой буквы и есть Сущее Парменида, благодаря Платону получившее свой термин — «бытие». Так давайте же и биться о *бытии*. Дорогие платоники, не будем платонобойцами и сделаем, наконец, философию в России по-настоящему строгой наукой.

Источники и литература

- Аристотель — *Аристотель*. Метафизика / Пер. А.В. Кубицкого под ред. В.Ф. Асмуса // Соч. в 4-х томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1976. С. 63–367.
- Платон — *Платон*. Собр. соч. в 4-х томах / Пер. С.А. Ананьина [«Софист»]. Т. 2. М.: «Мысль», 1993.
- Гагинский 2014 — *Гагинский А.* Бытие и Единое у Платона // Платоновские исследования. Вып. 1. РГГУ-РХГА. М.-СПБ., 2014. С. 89–107.
- Гегель 1994 — *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии / Перев. Б.Г. Столпнера. Книга вторая. СПб.: «Наука», 1994.
- Гегель 1970 — *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики в 3-х томах / Пер. Б.Г. Столпнера. Том 1. М.: «Мысль», 1970.

¹⁹ Катречко 2014: 108.

- Катречко 2014 — Катречко С. Платоновская «тяжба о бытии»: платоновская предикатная онтология (свойств) // Платоновские исследования. Вып. 1. РГГУ-РХГА. М.-СПб, 2014. С. 108–121.
- Мамардашвили 2014 — Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. СПб.: АЗБУКА, 2014.
- Протопопова 2014 — Протопопова И. Οὐσία: «сущее» и/или «сущность» («бытийные термины» в диалоге «Софист») // Платоновские исследования. Вып. 1. РГГУ-РХГА. М.-СПб., 2014. С. 79–88.
- Семенов 2014 — Семёнов В. Логика платоновского «Парменида» и логика Гегеля // Платоновские исследования. Вып. 1. РГГУ-РХГА. М.-СПб., 2014. С. 185–198.
- Хайдеггер 1997 — Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.